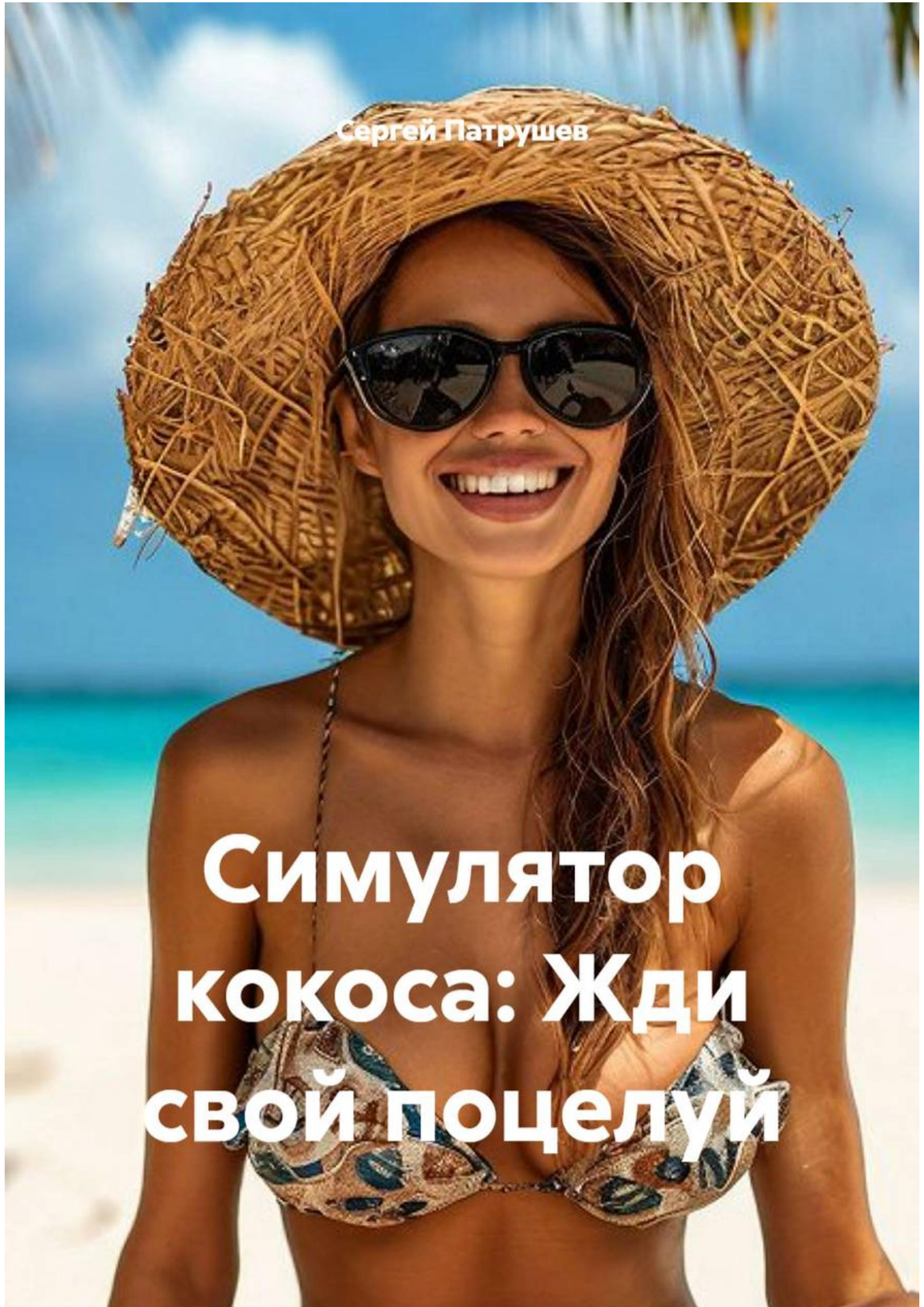

A smiling woman with long brown hair is the central figure. She wears a large, wide-brimmed straw hat and dark sunglasses. Her expression is joyful, with a wide smile showing her teeth. She is wearing a bikini top with a colorful, abstract pattern. The background is a bright, sunny beach scene with a clear blue sky, a turquoise ocean, and a white sandy shore. The overall mood is tropical and carefree.

Сергей Патрушев

**Симулятор
кокоса: Жди
свой поцелуй**

Сергей Патрушев

**Симулятор кокоса:
Жди свой поцелуй**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Симулятор кокоса: Жди свой поцелуй / С. Патрушев — «Автор»,
2026

Представьте себе мир, где единственная доступная механика — это чувствовать, как солнце нагревает твою скорлупу, как крабы-призраки стучат клешнями по твоему боку, проверяя на прочность, как мимо проходят люди со своими гитарами, стихами, трубками и серебряным смехом, а где-то глубоко внутри тебя, под слоем копры и кокосовой воды, дремлет зародышевый корешок, ожидающий своего великого часа. Эта книга — исповедь кокоса, самого обыкновенного плода, упавшего с пальмы на белый коралловый песок и ставшего свидетелем бесконечного карнавала жизни: битв колибри за нектар, любовных дуэтов лягушек-коки, таинства черепашьей кладки, разговоров старого рыбака с океаном и шторма, который унесёт его на чёрный вулканический берег, где однажды утром босая зеленоглазая девушка по имени Амара возьмёт его в ладони, изменив всё.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Симулятор кокоса: Жди свой поцелуй

Глава первая: Время есть только у того, кто лежит

Я — кокос, самый обыкновенный плод высокой кокосовой пальмы, упавший с её уходящей в самое сердце небесной синевы кроны в тот самый момент, когда особенно настойчивый порыв пассатного ветра, прилетевшего с востока и несущего в своих невидимых складках запах далёких пряных островов, совпал с абсолютным зенитом солнца, плавившего воздух до состояния густого, дрожащего марева, погружавшего даже вечно беспокойные океанические волны в ленивую, полуденную дремоту, заставляя их забыть о своей извечной борьбе с берегом.

Теперь я лежу на самой границе двух великих и бесконечно разных миров, соприкасающихся друг с другом вдоль пенной линии прибоя: слева от меня простирается безбрежная, переливающаяся всеми мыслимыми оттенками синего, зелёного и аквамаринового пустыня океана, чей ритмичный, убаюкивающий шёпот служит вечным, басовым фоном для всего сущего на этом острове, а справа начинается царство сухого, колкого стрекотания прибрежных трав и цепких, узловатых кустарников, вцепившихся своими оголёнными, извивающимися подобно застывшим змеям корнями в сыпучий, прокалённый солнцем до белизны коралловый песок, который постоянно, каждую секунду своего существования, стремится утечь обратно в море, раствориться в его солёных объятиях.

Моя скорлупа, некогда глянцево-зелёная и упругая, уже успела обрести благородную, глубокую темноту старого дерева и покрыться тончайшей, едва заметной глазу сетью морщин от постоянной тропической влажности, а три моих естественных отверстия, три так называемых глазка, похожих на загадочные, погружённые в глубокую, многовековую медитацию лики древних идолов, неотрывно направлены прямым в бескрайнее, огромное, слегка выцветшее от вечного зноя и потому кажущееся почти белым в полдень небо. Пока я лежу здесь, вкопанный в песок почти на треть своего округлого, увесистого тела, вокруг меня разворачивается жизнь, настолько стремительная в своём неумолимом течении, настолько насыщенная бурями страстей и до невероятности причудливая в своих самых обыденных проявлениях, что её накал способен захватить дух у любого самого искушённого наблюдателя, обладай он, в отличие от меня, кокоса, самим этим физиологическим дыханием.

Первое, что навсегда запечатлелось в моей плодовой памяти после того оглушительного, сотрясшего всё моё существо падения с головокружительной высоты, была вибрация — не та монументальная, что рождается из подземных толчков или грозных раскатов, сотрясающих небесную твердь, а мелкая, частая, почти зудящая, исходящая словно из самых глубин внезапно ожившего песка, вознамерившегося двигаться всем своим многомиллионным, неисчислимым скопом.

То были крабы-призраки, покинувшие свои глубокие, уходящие крутыми спиралями в прохладную, влажную сырость норки лишь после того, как тень от моей родной, склонившейся над пляжем пальмы уползла далеко в сторону, предоставив им безопасную возможность для рискованной и дерзкой дневной вылазки. Один из них, самый отчаянный и нахальный из всего этого песчаного воинства, обладатель панциря, окрашенного точь-в-точь в цвет мокрого, только что омытого волной песчаника, и глаз, вознесённых на тонких, вибрирующих стебельках и напоминающих крошечные вражеские перископы, вышедшие из моды ещё в прошлую

войну, первым добрался до моей неподвижной персоны и, без тени страха или врождённого почтения к тому, кто многократно превосходит его размерами, деловито постучал своей клешней по моему округлому боку, извлекая глухой, деревянный звук, который ещё долго, затухая и множась, гулял эхом внутри моей полой, наполненной сладковатой, кристально-прохладной кокосовой водой утробы.

Краб замер, прислушиваясь к этому затухающему гулу всем своим примитивным хитиновым существом, оценивая мою потенциальную гастрономическую привлекательность со всей той серьёзностью, на какую только способен голодный падальщик, но, осознав всю тщетность своих попыток и ту непреложную истину, что моя скорлупа окажется крепче любого его природного инструмента, он впал в комичную, глубоко рассерженную задумчивость и, пятясь задом с той непередаваемой грацией оскорблённого достоинства, на какую способны лишь крабы, скрылся в своей песчаной воронке, оставив после себя на идеально гладкой, вылизанной прибором поверхности пляжа лишь замысловатые, похожие на клинопись иероглифы собственных микроскопических следов. Я же остался лежать, остро ощущая, как разогретый за долгий, душный день песок подо мной начинает медленно, почти незаметно для торопливого мира остывать, возвращая мне живительную прохладу глубин, что таится под верхним, прожаренным слоем.

Ближе к полудню, когда жара стала субстанцией почти физически осязаемой, навалившейся на весь видимый мир подобно огромному, мокрому, душному одеялу, сотканному из липкого воздуха и слепящего света, на пляж вышли те, кто полностью лишён спасительного панциря, но зато наделён суетливостью, превосходящей любые, даже самые лихорадочные крабы тревоги, помноженные на вечность. Это были люди — существа, неизменно появляющиеся шумно, громко и бесцеремонно, грубо нарушающие великую, выверенную тысячами приливов и отливов симметрию песка своими глубокими, разлапистыми, хаотичными следами.

Первыми в это утро пришли трое: высокий, мускулистый мужчина с обветренным, словно дублёная кожа, лицом и татуировкой якоря на предплечье, которая выдавала в нём бывалого моряка, повидавшего на своём веку и штить, и девятый вал, его спутница, женщина с длинными, выгоревшими на солнце до цвета спелой пшеницы волосами, заплетёнными в небрежную, но удивительно изящную косу, и их маленькая дочь, босоногое создание лет семи, чьи глаза цвета грозового неба смотрели на мир с тем неподдельным, жадным изумлением, которое свойственно лишь детям, ещё помнящим тайну своего недавнего появления на свет.

Моряк, чьё имя, как я узнал из их разговоров, было Томас, опустился на корточки прямо возле меня, взял пригоршню песка и, медленно пропуская его сквозь загрубевшие, покрытые шрамами пальцы, задумчиво произнёс, обращаясь к спутнице: «Знаешь, Анна, этот песок помнит шаги пиратов, высаживавшихся здесь триста лет назад, он помнит шторма, которые топили целые флотилии, и он будет здесь лежать ещё тысячу лет после того, как наши следы смоем первый же прилив». Анна, чьи глаза были скрыты за стёклами круглых, как у стрекозы, солнцезащитных очков, лишь тихо рассмеялась в ответ, и её смех прозвучал подобно перезвону маленьких серебряных колокольчиков, эхо которых ещё долго висело в густом, неподвижном воздухе, пока их дочь, которую они называли Лили, кружилась вокруг меня, выписывая босыми пятками замысловатые вензеля на влажном песке и напевая под нос какую-то бессвязную, но бесконечно мелодичную песенку собственного сочинения.

Они ушли так же внезапно, как и появились, оставив после себя лишь брошенное на песок льняное полотенце в сине-белую полоску и пустую стеклянную бутылку из-под лимо-

нада, которую Лили заботливо воткнула горлышком в песок рядом со мной, словно возводя крошечный памятник нашему мимолётному знакомству. Однако уже через час, когда солнце сместилось к западу и тени стали длиннее, на пляж ступила новая человеческая фигура, кардинально отличная от предыдущих, — это был старик, чья кожа цветом и фактурой напоминала карту древних морей, исчерченную сетью глубоких морщин, а седые, похожие на спутанную морскую пену волосы были перехвачены выцветшей красной банданой.

Он нёс в руках потемневшую от времени и соли плетёную корзину и, шагая вдоль линии прибоя с грацией человека, прошедшего на этом песке всю свою жизнь, зорко высматривал дары моря, оставленные утренним отливом среди камней и водорослей. Поравнявшись со мной, старик остановился, тяжело опершись на самодельную, вырезанную из коряги трость, перевёл дыхание и, заметив мою скромную персону, неожиданно подмигнул мне одним своим выцветшим, но сохранившим искорку озорства глазом и произнёс вслух, обращаясь то ли ко мне, то ли к самому бескрайнему океану, расстилавшемуся перед ним: «Ну что, приятель, всё лежишь, всё ждёшь своего часа? Правильно делаешь, торопиться нам, старикам, уже давно незачем, время — оно для тех, кто ещё стоит на ногах, а для тех, кто укоренился, время течёт совсем иначе, медленно, как кокосовое молоко из треснувшего ореха».

Он замолчал, достал из кармана своих выцветших, заплатанных на коленях бриджей трубку, набил её чем-то сладко пахнущим и, выпустив в небо струйку сизого, ароматного дыма, растворившегося в воздухе подобно призраку, неторопливо побрёл дальше, оставив меня в компании его мудрых, пропитанных солью и временем слов, которые ещё долго звучали в моей растительной памяти.

Вскоре после ухода старика с его трубкой, пока я ещё переваривал смысл услышанной философии, на пляж буквально ворвалась новая пара, молодая и пылкая, чьё появление сопровождалось громкими взрывами смеха и торопливыми, жадными поцелуями, которые они дарили друг другу, падая в мягкий, горячий песок. Он, смуглый юноша с копной чёрных, как вороново крыло, кудрей и блестящими, полными жизни глазами, нёс на плече блестящую гавайскую гитару, а она, девушка с кожей цвета кофе с молоком и венком из живых цветов плюмерии на голове, прижимала к груди потрёпанный томик стихов какого-то французского поэта, чьё имя я, увы, разобрать сквозь толщу скорлупы при всём своём желании просто не мог.

Они устроились на песке неподалёку от меня, и юноша, ласково перебирая струны, запел низким, бархатным голосом песню на языке, которого я никогда прежде не слышал, но который своей певучей, ритмичной мелодикой напоминал одновременно и шум прибоя, и свист ветра в кронах пальм, и перестук капель тропического ливня по широким листьям бананов. Девушка слушала его, закрыв глаза и слегка раскачиваясь в такт мелодии, а её губы беззвучно шевелились, повторяя слова песни, словно она молилась какому-то древнему, забытому боже-ству, и в этом интимном, наполненном тихой нежностью моменте было столько подлинной, обнажённой красоты, что даже я, кокос, ощутил, как сладковатая вода внутри меня потеплела от сопереживания. Потом юноша отложил гитару, и они, схватившись за руки, побежали к океану, поднимая фонтаны солёных брызг, и их счастливые крики ещё долго смешивались с криками кружащих над ними чаек, создавая сложную, многоголосую симфонию молодости и лета, которая растяла в воздухе лишь с наступлением сумерек.

В этой вынужденной вертикальности, приданной мне утренним ребёнком, ощущалось нечто глубоко унижительное для плода моего статуса и происхождения, ведь теперь я окончательно уподобился одинокой кегле, брошенной после чьего-то неточного удара, а вездесущий

океанский бриз, гуляющий по опустевшему пляжу, заунывно и тоскливо запел в моём верхнем, открытом глазу, дуя в него, словно в горлышко пустой бутылки, найденной на берегу.

И всё же именно это неудобное, почти постыдное положение даровало мне уникальную привилегию стать единственным свидетелем великого воздушного сражения, разыгравшегося над кустами цветущего гибискуса, что росли немного поодаль от линии прибоя, образуя естественную границу между миром песка и миром джунглей. Две крошечные колибри, эти удивительные, почти неправдоподобные создания, похожие на живые, трепещущие изумруды, в чьи микроскопические жилы вместо обычной крови словно залили самую чистую, самую быструю ртуть, вели ожесточённую, бескомпромиссную войну за порцию сладчайшего нектара, спрятанного природой в алых, чувственных глубинах распустившегося цветка. Их невидимые глазу крылья вибрировали с частотой, абсолютно недоступной для моего растительного осмысления, создавая вокруг дрожащих телец размытый, переливающийся на солнце ореол чистой, концентрированной энергии, а их миниатюрные, но невероятно мощные сердечки колотились с такой неистовой силой, что песок подо мной, казалось, начинал вибрировать, входя в резонанс с этим бешеным, первобытным пульсом.

Та, что щеголяла ослепительным, отливающим металлическим блеском пурпурным горлышком, спикировала на соперницу с ловкостью и отвагой настоящего воздушного аса, и та, потерпев сокрушительное тактическое поражение, отлетела в сторону, с размаху врезавшись в широкий, глянцевый, изрезанный прожилками лист гибискуса, отчего с его блестящей, словно покрытой лаком поверхности сорвалась и полетела вниз, сверкая в косых лучах солнца, крупная, хрустально-прозрачная капля росы, которая, подобно падающему бриллианту чистейшей воды, угодила точнёхонько в красную, жаждущую влаги чашечку цветка, заставив всё соцветие качнуться в медленном, торжественном реверансе. То была битва богов, проходившая в масштабах, измеряемых жалкими миллиметрами, но по своему накалу страстей и бескомпромиссности сравнимая с битвами античных титанов, и я, застывший в своей нелепой позе покосившейся садовой кегли, оказался её единственным, благоговейно замершим, затаившим воображаемое дыхание зрителем.

Ближе к вечеру, когда солнце начало медленно, почти нехотя окрашивать горизонт в густые, насыщенные цвета спелого манго, разрезанного пополам, и индиго, растёкшегося по небесной палитре, пляж постепенно опустел, люди ушли, унося с собой свои разноцветные полотенца, складные зонты, гитары, томики стихов и эхо громкого, счастливого, беспечного смеха, но пустота, вопреки всем моим ожиданиям, и не думала наступать, потому что с заходом солнца здесь неизменно включается второй, куда более насыщенный и таинственный акт этого нескончаемого, многодневного спектакля.

Сначала явились песчаные блохи, целые полчища микроскопических, почти невидимых глазу существ, облепивших тот самый участок моей скорлупы, которого несколько часов назад касались тонкие пальцы Анны, — вероятно, этот участок всё ещё сохранял слабый, едва уловимый соляной раствор, оставленный её человеческой, вечно выделяющей пот и соль кожей, столь вожаделанный и питательный для этих крохотных созданий. Их микроскопическая, суетливая возня воспринималась мной как едва уловимая, навязчивая, почти сводящая с ума щекоотка, от которой я бы с превеликим удовольствием избавился, страхнув их с себя одним могучим движением, но моя глубинная, вековая природа предписывала лишь безропотное, стоическое смирение и мудрое, философское принятие всего сущего в том виде, в каком оно ниспослано тебе судьбой. Пока я безропотно, с достоинством мученика сносил эту щекооткающую, зудящую пытку, из-за горизонта, окрашенного угасающим, догорающим пожа-

ром заката, появились таинственные, дрожащие огни, и поначалу я принял их за опрометчиво упавшие в солёную воду первые вечерние звёзды, но затем огни начали двигаться, мерно покачиваясь в такт глубокому, размеренному дыханию океана, и я с восторгом понял, что заблудшие небесные тела тут совершенно ни при чём. То был бесчисленный, сияющий собственным внутренним светом фитопланктон, явивший свою призрачную, биолюминесцентную красоту в набегающих на берег волнах прибоя, и каждая волна, оканчивая свой долгий путь на влажном, утоптанном песке, оставляла после себя голубую, неоновую, мерцающую пену, которая жила несколько коротких, но бесконечно прекрасных секунд своей призрачной, потусторонней, словно заимствованной из чужой вселенной жизнью, а затем бесследно таяла, оставляя после себя лишь абсолютную, кромешную тьму и лёгкий запах йода.

Зрелище было настолько завораживающим, гипнотическим и всепоглощающим, что я, полностью поглощённый этим акварельным великолепием, пропустил тот самый момент, когда ко мне вкрадчиво, бесшумно, словно ночной вор, подкрался рак-отшельник, чьим переносным домом служила старая, изрядно поношенная, покрытая зелёным мхом и крошечными морскими уточками раковина нассариуса, найденная им, вероятно, много лет назад. Рак деловито, с видом заправского оценщика недвижимости, обследовал углубление в песке рядом с моим основанием, нервно подрагивая длинными, похожими на тонкие антенны усами, которыми он непрерывно сканировал окружающее пространство на предмет опасности, и волоча за собой свою главную гордость и орудие устрашения — боевую клешню, непропорционально огромную для его скромного, щуплого тельца, словно средневековый рыцарь тащит за собой неподъёмный двуручный меч.

Он довольно быстро нашёл искомое сокровище — жалкий, сморщенный кусочек высохшей на солнце водоросли, принесённой на берег свирепым штормом две недели назад и с тех пор терпеливо ждущей своего едока, — но едва он схватил свою находку и начал осторожное, пятящееся победное отступление, как из соседней песчаной норы стремительно, словно пробка из бутылки шампанского, вылетел краб-призрак, наш с ним утренний знакомый, ведь воровство при свете полной луны является главным и священным, освящённым тысячелетиями эволюции принципом здешней суровой песчаной экономики.

Они закружились в странном, асимметричном, полном скрытой угрозы и первобытной грации танце: рак, оберегая свою драгоценную ракушку, а заодно и отвоёванную в честном бою добычу, выставил вперёд огромную, угрожающую клешню и начал громко, вызываяще щёлкать ею в воздухе, в то время как краб, будучи существом куда более проворным, юрким и лишённым громоздкого скарба, попытался зайти с фланга, надеясь на внезапность и стремительность своего дерзкого манёвра. Их яростная, беспощадная, поднявшая в воздух целую тучу мельчайшего, сверкающего в лунном свете песка схватка завершилась тем, что отшельник, осознав всю стратегическую тщетность дальнейшего сопротивления, бросил вожака водоросль на поле брани и ретировался в спасительную, кромешную тень, отбрасываемую моим массивным телом, прижавшись своим хрупким, заимствованным панцирем к моей прохладной, надёжной скорлупе, туда, где песок был наиболее тёмным, влажным и безопасным.

Я чувствовал, как его домик конвульсивно скребёт по мне, как его маленькое, перепуганное, колотящееся о стенки раковины сердце отсчитывает лихорадочный ритм, и осознавал со всей доступной мне глубиной, что в эту ночь я, простой кокос, стал убежищем, молчаливой и неприступной крепостью для маленького беглеца, с позором проигравшего свою битву за жалкий кусочек пропитания.

Ночь в тропиках — это субстанция, парадоксальным образом сотканная из полной, звенящей тишины и оглушительной, многоголосой какофонии одновременно, и когда последние отблески заката окончательно угасли на западе, растворившись в бархатной черноте, проснулись цикады, чей вибрирующий, пульсирующий, пронизывающий всё живое хор заполнил собой всё мыслимое пространство от спутанных, переплетённых корней прибрежной травы до мерцающих в бездонной вышине равнодушных звёзд.

Однако громче всех этих ритмичных, монотонных трещоток самозабвенно пели лягушки-коки, крошечные, размером с ноготь большого пальца человека, устроившие свой грандиозный ночной концерт в широких, сочных, похожих на зелёные блюда листьях каладиумов, растущих чуть поодаль, на самой границе джунглей. Их песня, состоящая всего из двух повторяющихся, бесконечно варьирующихся слогов — «ко-ки, ко-ки», — разрывала ночную ткань на тонкие, вибрирующие полосы, и каждое громогласное, требовательное «ко», выкрикиваемое самцом с единственной целью привлечь затаившуюся где-то рядом самку, получало в ответ нежное, почти интимное, едва слышное «ки», так что этот бесконечный, длящийся до самого рассвета дуэт, помноженный на сотни, если не тысячи крошечных глоток, сливался в одно непрерывное, пульсирующее биение самого сердца острова, его вечную, нестареющую, древнюю как мир песню продолжения жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.